

КЛАССИКА XX

ПАПА, МАМА, ЛУНА

Подполковник Владимир Шаталов:

Движусь прямо к стыку.

**Подполковник Борис Волынов,
командир корабля «Союз-5»:**

Полегче, не так резко.

Подполковник Шаталов:

Я не сразу нашел вас, но теперь зацепил.

Мужчины выходят из маленькой типографии ровно в четыре — бледные, как призраки, они секунду щурятся от яркого дневного света, пока он не пересилит свет помещения, дотоле окружавший их. Зимой в этот час дня Сосновая улица тонет в темноте — темнота рано наползает с горы, нависающей над тихим, как болото, городком Бруэр, но сейчас, летом, гранитные поребрики поблескивают вкраплениями слюды, и домишки, отличающиеся друг от друга лишь облупившейся дощатой обшивкой да жалкими крылечками с крестовидными боковинами и серыми ящиками для молочных бутылок, и китайские деревца гинкго, покрытые угольной пылью, и пропеченные солнцем машины у края

тротуаров — все словно замерло, вздрогнув после ослепительной вспышки взрыва. Город в попытке оживить умирающий центр снес целые кварталы для создания автомобильных стоянок, превратив некогда застроенные улицы в голые, заросшие сорняками и заваленные мусором пустыри, обнажив фасады церквей, которых прежде издали не было видно, и открыв для обозрения какие-то задворки и тупички, а главное — впустив на этот унылый простор немилосердно яркий свет. Небо безоблачно, но и бесцветно, белесая пелена сырости, как бывает летом в Пенсильвании, и польза от нее разве что для зелени, которая и растет не по дням, а по часам. А люди даже не загорают — только желтеют под пленкой пота.

Среди типографских рабочих, окончивших смену, отец и сын — Эрл Энгстром и Гарри. Отцу скоро на пенсию — он тощий, с изможденным, изъеденным заботами и каким-то запавшим лицом и выступающими вперед, плохо пригнанными вставными зубами. Сын на пять дюймов выше и плотнее; он, что называется, в расцвете сил, но расцвет этот какой-то вялый, бледный и унылый, как манная каша. Маленький нос и слегка приподнятая верхняя губа, из-за которой он когда-то получил прозвище Кролик, теперь в сочетании с располневшей талией и сутуловатостью, приобретенными за десять лет сидения за линотипом, говорят о слабости — слабости, за которой наступает полная обезличенность. Хотя благодаря росту, внушительной фигуре и остаткам былой живости, с какой он поворачивает голову, он все еще выделяется среди уличной толпы, его уже давным-давно никто не называет Кроликом.

— Гарри, как насчет того, чтоб опрокинуть по одной? — спрашивает отец.

У перекрестка, где их улица пересекает Уайзер-стрит, — автобусная остановка, и возле нее бар

«Феникс» с голой неоновой девчонкой в ковбойских сапогах снаружи и кактусами, намалеванными на грязноватых стенах, внутри. От остановки отец и сын разъезжаются в разных направлениях: старик садится на автобус 16-А и, огибая гору, едет в поселок Маунт-Джадж, а Гарри садится на номер 12 и едет в противоположном направлении в Пенн-Виллас, район новой застройки на южной окраине города — типовые одноэтажные домики — «ранчо» с лужайками в четверть акра, очерченными бульдозерами, да кленовые прутьики, притянутые веревками к колышкам в земле, прилипшие к земле, словно того и гляди улетят. Гарри перебрался туда с Дженис и Нельсоном три года тому назад. Его отец до сих пор считает, что Гарри переехал из Маунт-Джаджа, желая отделиться, и потому теперь они всегда выпивают в конце дня, чтобы смягчить расставание. Совместная работа в течение десяти лет возродила любовь, которая существовала бы между ними, когда Гарри был мальчиком, если бы не встревала мать.

— Налей-ка мне кружечку «Шлица», — говорит Эрл бармену.

— А мне дайкири, — говорит Гарри.

Кондиционер включен на полную мощность, так что Гарри опускает засученные рукава рубашки и застегивает манжеты. На работу он всегда надевает белую рубашку, да и после работы тоже, не желая примириться со всепроникающей силой типографской краски. По обыкновению, он спрашивает отца, как там мать.

Но отец отвечает не так, как обычно. Как правило, он говорит: «Да все хорошо, насколько может быть хорошо». Сегодня он придвигается поближе и произносит:

— Не так хорошо, как могло бы быть, Гарри.

Она уже много лет страдает болезнью Паркинсона. Гарри мысленно представляет себе мать в ее нынешнем состоянии: узловатые трясущиеся руки, шаркающая походка — ходит как сомнамбула, смотрит удивленным отсутствующим взглядом, хотя доктор говорит, что с мозгами у нее все в порядке, и рот сам собою открывается и закрывается лишь тогда, когда начинает течь слюна.

— Ты хочешь сказать — по ночам? — Самим этим вопросом Гарри как бы задвигает ее в темноту.

И снова старик блокирует желание Кролика прошмыгнуть мимо.

— Нет, ночи сейчас спокойнее. Ей прописали новые таблетки, и она говорит, что теперь спит лучше. А вот по части головы дело худо.

— Как это, папа?

— Мы об этом не говорим, Гарри, это не в ее характере, о таких вещах мы никогда не разговаривали. Мы с твоей матерью просто помалкиваем, так уж нас воспитали. Может, оно было бы лучше, если б мы об этом говорили, — не знаю. Я сейчас о том, что ей вбивают в голову.

— Кто вбивает?

Гарри тяжело вздыхает, уткнувшись носом в свой дайкири, и думает: «Он тоже уже того, оба они того. Ни от матери, ни от отца толку не добьешься». Отец придвигается к нему, чтобы объяснить, и сразу становится одним из тех тощих, вечно хнычущих придурков, которые сотнями топчутся по всему городу, — тех, что шестьдесят лет глотали каменную пыль, высушившую их.

— Да те, что приходят проведать ее, — она теперь по полдня проводит в постели. К примеру, Мейми Келлог. И еще Джулия Арндт. Страсть как мне неохота морочить тебе этим голову, Гарри, но мать бог знает что несет, и на Мим надежды нету — она вон

где, на Западном побережье. Только ты и можешь помочь мне все прояснить. Очень мне неохота волновать тебя, да только мать уже до того договорилась, что не ровен час сама позвонит Дженис.

— Дженис?! С какой стати ей звонить Дженис?

— Видишь ли... — Глоток «Шлица». Костлявая рука проводит по мокрой верхней губе — пальцы скрючены в хватательном жесте, как обычно у стариков. Протез обнажается в виноватой гримасе-улыбке. — Видишь ли, все их разговоры-то о ней, о Дженис!

— О моей Дженис?

— Вот что, Гарри, только не кипятись. Не вини того, кто приносит дурные вести. Я ведь передаю тебе, что другие говорят, а не свое мнение высказываю.

— Да я просто удивляюсь — о чем тут говорить! Я сам почти не вижу ее теперь — она ведь все время на пяточке Спрингера.

— Вот то-то и оно. В этом, может, твоя ошибка, Гарри. Ты считал, что Дженис теперь уже никуда не денется... после того. — После того, как он бросил ее. После того, как умер ребенок. После того, как она снова приняла его. — С тех пор прошло ведь десять лет, — безо всякой надобности добавил отец.

В этом холодном баре, где на полочках под зеркалами стоят кактусы в пластмассовых горшках и маленький вертящийся кран, сверкая хромом, снова и снова вычерчивая параболу, разливает «Шлиц», Гарри вдруг почувствовал, что мир стронулся с места. В нем разрастается холод предчувствия, сжимает под манжетами запястья. А ведь еще не все новости выложены, и новая комбинация может вот-вот взорвать его затхлый покой.

— Гарри, злоба людская выше человеческого понимания, как я замечал, и у бедняжки нет от нее

защиты — она лежит и слушает, что ей остается? Десять лет назад разве она не разобрала бы все по косточкам? Не срезала бы их, с ее-то язычком? А они ей все уши прожужжали, будто Дженис загуляла. С одним мужиком, Гарри. Не то чтобы она пошла по рукам, нет.

От запястий холод бежит вверх, к плечам Кролика, а оттуда спускается по венам вниз, в желудок.

— А имя у этого мужика есть?

— Я не слышал, Гарри. Да откуда им взять имя — ведь, скорее всего, никакого мужика нет!

— Ну, раз придумали ситуацию, могут придумать и имя.

В баре работает телевизор, но звук выключен. В двадцатый раз за этот день стартует ракета, идет обратный отсчет десятymi долями секунды быстрее, чем может уловить глаз, и вот наконец ноль: под высоким чайником клубится белый пар, агрегат медленно поднимается вверх, так и кажется, сейчас упадет, но нет, он быстро уменьшается, превращаясь в точку, в мерцающую звезду. Мужчины, темными силуэтами сидящие вдоль стойки бара, тихо переговариваются. Их не унесло ввысь, они остались где сидели. Пытаясь добраться до истины, отец шепчет ему:

— Тебе не показалось, Гарри, что Дженис в последнее время как-то изменилась? Слушай, я знаю, скорее всего, это, как теперь говорят, кусок дерьма, но, может, она все-таки казалась тебе в последнее время — ну, ты понимаешь — какой-то не такой?

Кролику неприятно слышать крепкие слова из уст отца; он демонстративно задирает голову вверх, делая вид, будто поглощен происходящим на экране телевизора, а там идет телеигра, когда публика должна отгадать, какой приз спрятан за занавесью, и люди принимаются прыгать, кричать, целоваться,